

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

19 сентября 2014

Рудольф Роккер

Кропоткин и еврейское рабочее движение

Рудольф Роккер

Кропоткин и еврейское рабочее движение

1923

Публикуется по: Голос труда. — Буэнос-Айрес, — 1924. № 219, 9 авг. — С. 3; № 220, 16 авг. — С. 2-3; (На англ. яз.: Rudolph Rocker, «Peter Kropotkin and the Yiddish Workers' Movement,» in Ishill, Joseph, ed., Peter Kropotkin: The Rebel, Thinker and Humanitarian. Memorial Volume. — Berkeley Heights, N. J.: Free Spirit Press, [1923], pp. 78-85).
Сохранено 19 сентября 2014 года из: <http://www.aitrus.info/node/3566>

1923

с еврейским рабочим движением; но, несомненно, он выразил своими словами подлинную правду.

над собранием; в зале раздалось единодушное нет! нет! нет! Никто не хотел, чтоб все огромные жертвы оказались принесенными даром. Упорство предпринимателей было сломано; их ассоциация раскололась, и борьба закончилась полной победой рабочих.

Все это я рассказал старику, который внимательно следил за моими словами и усердно делал у себя заметки. Когда же я, далее, сообщил ему, что совершенно истощенные тяжелой минувшей борьбой еврейские рабочие, тем не менее, тотчас наложили на себя новый обет солидарности, приняв в свои семьи несколько сот детей бастующих докеров, чтобы облегчить, таким образом, английским товарищам напряженную борьбу против лорда Девонпорта, — глаза его стали влажными; он молча пожал мне руку. — «Это является прекрасным вкладом в главу о взаимной помощи», — заметил я. «Да, Да, — ответил он взволнованным голосом: — пока такие силы налицо в массах, нет оснований сомневаться в будущем».

Я мог бы рассказать еще не один эпизод, чтобы ярче осветить живую связь между Кропоткиным и еврейским рабочим движением. Недостаток места мешает этому. Но думается, что немногие приведенные примеры уже достигают цели. Когда, по поводу 70-ти летнего юбилея со дня рождения Кропоткина, состоялось в восточном квартале блестяще удавшееся собрание в театре «Павильон», там выступали представители всех партий и направлений, социалистических и радикальных. Бернар Шоу, также взявший слово, сделал следующее характерное замечание: «Я убежден, что из всех собраний, имеющих место в этот день с целью выражения любви и симпатии нашему юбилею, ни одно не тронет его так радостно и глубоко, как этот привет пролетариата восточной части».

Мне неизвестно знал ли Шоу о внутренней связи Кропоткина

Кому случается впервые пересекать узкие, кривые улицы и [переулки] русского эмигрантского квартала в восточной части Лондона, тянущегося от архиерейских ворот [Бишопстейт] до Бой и от Бетнал-Грин к докам, тот бывает чрезвычайно поражен этой своеобразной картиной, так резко отличающейся от обычных явлений лондонской уличной жизни и словно окутанной особой атмосферой. Невольно забываешь, что находишься в Лондоне; чудится, будто ты перенесен в какой-то совсем другой, далекий отсюда мир.

Этот запутанный, доступный лишь посвященному, уличный лабиринт, набитый чужестранным населением и несущий на себе угрюмые знаки ужасающей пролетарской нужды и нищеты, представляет далеко не изысканное зрелище, которое с чувством облегчения оставляет за собой случайный посетитель. И лишь немногие знают, что за почерневшими стенами испещренных временем домов не только злая забота свила себе гнездо, но что там же нашел свою обитель исполненный радостных надежд, готовый на любую жертву, идеализм, какой редко можно встретить. Я провел 18 лет в этом своеобразном мире, куда меня завел случай и где я пережил самые сильные и неизгладимые впечатления моей жизни.

Девяносто процентов населения эмигрантского квартала составляют еврейские рабочие — выходцы из России и Польши, согнанные с родных мест безчеловеческими преследованиями со стороны белого царского режима и нашедшие себе здесь убежище. Они создали здесь новые виды ремесел, особенно в области изготовления одежды, кое-как поддерживая таким образом свое жалкое существование на чужбине. И вот в этой-то достопримечательной среде, около сорока лет тому назад, кучкой интеллигентов были взрощены первые отпрыски социалистического рабочего движения, история которого

еще не написана, но которое, тем не менее, должно составить одну из самых интересных глав международного рабочего движения. И здесь же, 55 лет тому назад, было положено основание газете «*Arbeiterfreund*», выходящей в свет еще поныне и являющейся, наряду с парижским «*Temps Nouveaux*» и лондонским «*Freedom*», одной из старейших анархических газет. Однако, здесь не место углубляться в богатую содержанием и борьбой историю еврейского анархического движения, так как мы хотим остановиться лишь на отношении к нему Петра Кропоткина.

Имя Кропоткина было для обитателей восточной части своего рода символом. Никто не оказал такого сильного влияния на духовное развитие еврейского пролетариата, как он. Его произведения, распространявшиеся в тысячах экземпляров, послужили подлинным фундаментом социалистического воспитания еврейского рабочего класса. В деле подыскания средств для подготовки к изданию и для печатания этой литературы отдельные группы, особенно же группа «*Arbeiterfreund*», выявили такую степень преданности делу и готовности жертвовать, какой я нигде больше не встречал. Действительно отдавали последнее, — в полном смысле слова. Происходило форменное соревнование в солидарности и в усердии жертвовать. Один не отставал от другого. Молодые женщины и девушки, занятые в знаменитой потогонной индустрии восточной стороны, зарабатывая с большим трудом 10-12 шиллингов в неделю, аккуратно отдавали свою лепту на общее дело: уделяли из последнего, не желая отставать от мужчин-единомышленников. Группа «*Arbeiterfreund*» смогла, таким образом, одна в период времени меньше 10 лет, издать около полумиллиона брошюр и книг; среди них — многие произведения по несколько сот страниц, как, например, Кропоткина «Записки революционера», «Хлеб

стоятельствах началась забастовка. Кассы организаций были почти пусты, когда разразилась борьба. Однако, надо было поддержать борющихся английских и немецких товарищей западной части, и всякое промедление было отброшено. Началась форменная голодовка, — в самом точном смысле слов, — так как даже великолепная поддержка со стороны прочих категорий еврейских рабочих не могла обеспечить бастующим и их семьям хотя бы самое скудное существование. От десяти до двенадцати тысяч рабочих бастовали, и на каждого приходилось 4-5 шиллингов в неделю. На восточной стороне развили лихорадочную деятельность, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить нужду. В некоторых рабочих клубах устроены были общие кухни; еврейский союз булочников пек для бастующих хлеб; союз папиросников снабжал папиросами пикеты бастующих, вынужденных и ночами стоять на страже; все еврейские профессиональные союзы в целом обложили своих членов крупными экстренными взносами, дававшимися с радостью во имя помощи бастующим. Все формы прямого действия были пущены в ход этой борьбы; множество рабочих были арестованы и приговорены к тюремному заключению. Шесть недель длилась схватка. Наконец, среди ночи состоялось достопримечательное собрание в театре «Павильон», решившее судьбу данной забастовки. Театр был переполнен; сотни людей за неимением места оставались снаружи. Многие из бастующих пришли со своими женами, которые, почти без исключения, вели себя блестяще за все это время тягчайшей нужды. Развернувшаяся картина навсегда останется в моей памяти: это грандиозное собрание посреди ночи; все эти бледные лица, на которые нужда наложила суровый отпечаток. Когда собравшимся, наконец, был предложен вопрос сдать ли забастовку, удовлетворившись скромными уступками предпринимателей, то буря пронеслась

оказывали своего дорогого «старичка» и проводили его к месту собрания. Там с любовной осторожностью подняли его над головами масс и водрузили на повозку, служившую ораторам трибуной. Когда он начал говорить, я снова уловил в его голосе эти вибрирующие нотки, всегда так особенно меня трогавшие. Постепенно голос его окреп; периоды его речи стали стройнее. Особенное возбуждение овладело им, передаваясь тысячной массе, с затаенным дыханием и немым благоговением ловившей каждое его слово. Это было пламенное обвинение кровавому режиму русских палачей; слова, шедшие из глубины души, отдавались подобно ударам тяжелого молота. Обычное выражение кротости, придававшее лицу Кропоткина такую притягательную силу, совершенно исчезло; глаза горели; седая борода порывисто вздрагивала, словно от ураганного напора уничтожающих обвинений. Каждая фраза, слетавшая с его губ, дышала глубочайшей правдивостью, находя в сердцах слушателей многозвучный отклик. Он был по окончании речи, вероятно бледен и дрожал всем телом от внутреннего возбуждения. Я убежден, что могучее впечатление от его тогдашней речи останется незабвенным у всех, кто его слышал.

Кропоткин с живейшим интересом относился ко всем перипетиям борьбы еврейского рабочего класса. В 1911 году в восточной части вспыхнула большая забастовка портных. Это была стачка солидарности; в целях поддержки портных западной стороны; но в ходе своего развития она разрослась в гигантскую борьбу против адской потогонной системы, приведя ее действительно к падению. Вскоре по окончании забастовки я посетил Кропоткина, наблюдавшего с глубочайшей внимательностью все отдельные фазы этой борьбы. Я сообщил ему все подробности движения, в котором я лично принимал активное участие с начала до конца. Я рассказал, при каких об-

и Воля», «Воспоминания» Луизы Мишель, «Умиряющее общество» Грива и разные другие.

Лондон являлся, так сказать, школой, где новые пришельцы из России и Польши, гонимые в Англию непрерывной эмигрантской волной, познакомились с новыми идеями. Отсюда пропаганда разливалась по всем странам. Безработица, материальные лишения и, в особенности, беспокойная страсть к странствованию, ставшая у многих еврейских пролетариев второй натурой, увлекли сотни деятельных товарищей из Лондона во Францию, Бельгию, Германию, Египет, [Южную] Африку, Северную и Южную Америку; но большинство из них оставалось в постоянной связи с Лондонским движением: они развивали в новом кругу неутомимую деятельность, вызывая к жизни группы для ведения среди эмигрантов анархической пропаганды. Они не забывали при этом оказывать материальную поддержку основному движению в Лондоне, дабы обеспечить издание газеты и дальнейшее печатание анархической литературы.

Но Кропоткин влиял на еврейское рабочее движение в Англии не только благодаря своим произведениям: он был с ним лично в тесной связи и проявлял живой интерес ко всем перипетиям его борьбы и ко всем его начинаниям. Перебравшись в Лондон по освобождению из центральной тюрьмы в Клерво в 1886 году, он стал частым гостем в клубе на Бернской улице, бывшем в то время духовным центром еврейского рабочего движения в Лондоне. Позднее, когда хроническое страдание сердца делало для него все более и более невозможными выступления на публичных собраниях, стали реже и его посещения восточной стороны; но духовный контакт между ним и еврейским движением сохранялся всегда, а с развитием анархического движения в России принял снова регулярные

формы. В первые годы текущего столетия многие товарищи возвратились из Лондона обратно в Россию для постановки анархической пропаганды посредством нелегальных групп. Некоторые из них погибли от руки палача; многие на долгие годы замурованы по русским и сибирским тюрьмам. Постепенно наладилась подпольная связь между Россией и Лондоном, поддерживавшаяся путем живой переписки и специальными посланцами. Масса литературы на русском и еврейском языке, переправлялась контрабандой из Лондона в Россию, чтобы содействовать неустанной работе товарищей. Для скорейшего развития движения в России, был основан журнал «Хлеб и Воля», руководимый Кропоткиным.

В самой Англии еврейское рабочее движение достигало мощного подъема, особенно в период нарастания революции 1905 года и после нее. Еврейские профессиональные союзы, где непокладая рук работали анархисты, спешно расцвели; крупные забастовочные движения встряхивали эмигрантский квартал до самого основания, и собственно анархическое движение приняло невиданные до той поры размеры. В то время «старик», как обычно, звали Кропоткина в еврейском рабочем кругу, стал снова чаще появляться в восточной части и даже, вопреки строгому запрещению врачей, говорить на митингах. Мне особенно вспоминается собрание устроенное в память декабристов, в декабре 1905 г., в нашем клубе на «*Jubilee street*» и оставившее во мне неизгладимое впечатление. Кропоткин был одним из ораторов вечера. Во избежание слишком большого наплыва, мы воздержались от публичных объявлений. т.-к. жена Кропоткина очень просила нас пощадить старика, чрезвычайно опасаясь за его сердце. Однако известие распространилось с быстротой молнии.

В назначенный вечер большая зала с галлереей оказалась

переполнена, и сотни людей, оставшись на улице, принуждены были уйти. Кропоткин был встречен необыкновенным ликованием. Голос его слегка дрожал, когда он начал говорить. Казалось, будто какой-то невидимый ток исходил от этого человека, проникая слушателей до самых сокровенных глубин. Мне часто приходилось слышать Кропоткина, но лишь один раз, несколько ранее, он произвел на меня столь же сильное впечатление, как в этот вечер. Старик не был оратором, иной раз он даже слегка запинаясь, но манера говорить, тон глубочайшего убеждения, звучащий в каждом слове, захватывали и пленяли слушателей. Сам Кропоткин тоже был чрезвычайно увлечен этим собранием, ловившим каждое его слово с таким напряженным вниманием. Но по возвращении домой, у него начался тяжелый сердечный припадок, вызвавший самые серьезные опасения и приковавший его на некоторое время к постели.

Подобное же впечатление оказала на меня грандиозная демонстрация в Гайд-Парке, состоявшаяся с целью протеста против инсценированной царским правительством резни еврейского населения в Кишиневе. Безчеловечная жестокость этой ужасной трагедии привела обитателей восточного эмигрантского квартала в крайнее возбуждение. Различные партии и организации устроили общую конференцию, повлекшую за собой данную демонстрацию. Тысячи еврейских рабочих тянулись от Майль-Энд-Гате к Гайд-Парку: это была одна из самых замечательных демонстраций, какие Лондон когда-либо видел. Целый ряд выдающихся представителей самых различных направлений выступали перед массами, густой стеной окружавшими платформы, и в горячих речах выражали свой справедливый протест против страшной кровавой политики Плеве. Кропоткин, добравшийся до ворот Парка, был встречен массой еврейских рабочих с необыкновенным энтузиазмом; они